

*М.Ю. Чепурина**

ЗАГОВОР БАБЁФА В ВОСПРИЯТИИ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА

В статье анализируется реакция французского общества на пропаганду сторонников Бабёфа и разоблачение их заговора весной 1796 г. Источниками исследования послужили донесения правительственных агентов, выдержки из газет, а также доносы и прошения рядовых французов. Автор приходит к выводу, что обществу было известно о заговоре, но оно оказалось не в состоянии адекватно оценить его масштабы и цели. Отчасти это стало результатом деятельности самого Бабёфа.

Ключевые слова: Французская революция, период Директории, коммунизм, Бабёф.

Франсуа-Ноэль Бабёф (1760–1797), именовавший себя Гракхом, оставил след в истории благодаря организованному им годы Директории заговору. Заговор этот, имевший целью свержение правительства и установление коммунистического порядка, или, выражаясь словами самого Бабёфа, “общества совершенного равенства”, провалился еще до попытки его реализации: бабувистов выдал один из их сторонников, и они были арестованы. После суда самого Бабёфа и его ближайшего соратника О. Дарте казнили, а остальных заговорщиков приговорили к ссылке.

Этот крошечный эпизод истории Французской революции, который мог бы совершенно потеряться на фоне грандиозных событий эпохи, поначалу действительно быстро забылся. Но чем больше десятилетий проходило, чем острее становился рабочий вопрос, чем больше шума производил бродящий по Европе призрак коммунизма, тем больше начинала интересовать исследователей фигура Бабёфа. К середине XX в., когда число марксистов среди историков Французской революции сде-

** Мария Юрьевна Чепурина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14–18-01116.

лалось более чем существенным, Грахх и вовсе стал излюбленным персонажем своей эпохи. В постперестроечный период интерес к человеку, стоявшему у истоков европейского коммунистического движения, практически иссяк. Тем не менее к этому времени уже была досконально изучена биография Бабёфа¹, изданы, и в том числе по-русски, его труды², исследованы эволюция его взглядов³, личности его соратников⁴, различные аспекты его деятельности...⁵ И все-таки одна из сторон истории «заговора во имя равенства» до сих пор не только не получила достойного освещения, но и вообще практически не затрагивалась. Это вопрос о взаимоотношениях между бабувистами и французским обществом, вопрос о том, как воспринимал «равных» простой народ, политические активисты разных мастей и власти предрежающие. Между тем ответ на него может позволить оценить и истинные масштабы заговора, и его возможные перспективы, и стратегию Бабёфа, и то, какое место он занимал на политическом ландшафте Франции 1796 г.

Предложенная нами тема может показаться странной, ведь само слово «заговор» указывает на секретность предприятия, которое, таким образом, не предполагает никаких «связей с общественностью». Однако использование термина «заговор» применительно к деятельности, которую развернули Бабёф и его приверженцы весной 1796 г., – это во

¹ *Advielle V.* Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. P., 1990 Т. 1–2; *Coët E.* Babeuf à Roze. Péronne, 1865; *Далин В.М.* Грахх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785–1794). М., 1963; *Черткова Г.С.* Грахх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980 и др.

² Pages choisies de Babeuf. P., 1935; *Бабёф Г.* Сочинения. М., 1975–1982. Т. 1–4. и др.

³ *Bruhat J.* Gracchus Babeuf et les égaux, ou le premier parti communiste. P., 1978; *Dautry J.* Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies // AHRF. 1961. № 33; *Rose R.B.* Gracchus Babeuf. The first revolutionary communist. Stanford, 1978; *Schiappa J.-M.* Gracchus Babeuf avec les égaux. P., 1991; *Tonnesson K.* L'an III dans la formation du babouvisme // AHRF. 1960. № 162. P. 411–425; *Жбанков Л.* История «Заговора равных». М., 1905; *Далин В.М.* Грахх Бабёф накануне и во время Великой французской революции; *Черткова Г.С.* Указ. соч. и др.

⁴ См., например: *Serna P.* Antonelle. Aristocrate révolutionnaire. 1747–1817. P., 1997; *Далин В.М.* «Агент связи» Бабёфа – Дидье-Журдейль // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 244–257; *Киясов С.Е.* С. Марешаль: политическая биография. Саратов, 1987; *Летчфорд С.Е.* Клуб Пантеона и его место в оформлении бабувистской организации // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник. Саратов. 1986. С. 56–86; *Летчфорд С.Е.* Бабёф и Друэ // ФЕ. 2009. М., 2009. С. 65–82. *Собуль А.* Секционеры и бабувисты, их социальный состав // ФЕ. 1960. М., 1961.

⁵ Напр.: *Великовский С.* Поэтическое наследие участников «заговора равных» Г. Бабёфа // Вопросы литературы. 1959. № 2. С. 197–208; *Фрумов С.А.* Революционная программа воспитания (к 200-летию со дня рождения Бабёфа) // Советская педагогика. 1960. № 12. С. 79–91 и др.

многим лишь дань традиции. Организация бабувистов действительно была законспирированной. Но план их, вопреки еще встречающемуся мнению, не предполагал захвата власти силами узкой группы лиц без связи с народом. Напротив, «равные» пытались поднять новое народное восстание, подобное тем, что имели место 14 июля 1789 г. или 10 августа 1792 г. Доказательству того, что их предприятие было не заговором, а движением, советские историки посвятили не одну работу⁶. Нам же кажется обоснованным мнение Г.С. Чертковой, пришедшей к выводу, что оно имело черты и того, и другого⁷.

Как бы там ни было, бабувисты вели активную агитацию. Бабёф издавал газеты – *Le Tribun du Peuple* под собственным именем и *L'éclaireur du peuple* под псевдонимом Лаланд. Из-под пера членов «Тайной директории общественного спасения» – центрального органа заговорщиков – выходили различные листовки и афиши, расклеиваемые и раздаваемые в Париже. Кроме того, у организации были агенты во всех округах Парижа и в расквартированных в столице военных частях. На них лежала миссия не только сообщать об имеющихся на подведомственной территории материальных и людских ресурсах, но и осуществлять устную агитацию, готовить народ к выступлению, не допуская, однако, восстания раньше времени. Кроме того, агенты должны были ежедневно вести записи о состоянии общественного мнения – этого «беспристрастного арбитра», которого так превозносили просветители и чья значимость была осознана властями еще во времена Людовика XV⁸.

О необходимости распропагандировать массы, внушить им «правильные идеи» регулярно писал и сам Бабёф в своем «Трибуне народа». Стремясь привлечь в свои ряды максимум сторонников, он стал затуманивать наиболее радикальные моменты своей программы, касающиеся полного равенства и обобществления имуществ, и выдвинул на

⁶ См. напр.: Шеголев П.П. Гракх-Бабёф. М., 1933. С. 91; Mazauric C. Babeuf et la conjuration pour l'égalité. P., 1962. P. 133; Riviale Ph. La ballade du temps passé. Guerre et insurrection de Babeuf à la Commune. P., 1977. P. 63–64; Bruhat J. Op. cit. P. 7–8; Черткова Г.С. Указ. соч. С. 113.

⁷ Черткова Г.С. От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII в. М, 2003. С. 265–266. См. также: Tchertkova G. De la place du Babouvisme dans l'histoire du mouvement révolutionnaire européen // Les Historiens russes et le Révolution française après le Communisme. P., 2003. P.155–158.

⁸ Об этом см.: Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.

первый план популярный в то время лозунг возвращения к идеалам периода якобинской диктатуры и Конституции 1793 года. По сути, агитация была основным направлением деятельности «равных» на протяжении всего существования их организации – с 30 марта по 10 мая 1796 г.

Как же воспринималась эта агитация обществом? Что оно знало о бабувистах? Чувствовал ли Париж, что в подполье готовится захват власти? Как он воспринимал листовки «равных» и как отнесся к новости об их аресте?

Важнейшей группой источников, способных помочь нам найти ответы на эти вопросы, являются документы о Париже эпохи Директории, изданные в конце XIX в. А. Оларом. В основном это ежедневные донесения правительственных агентов, которые докладывали о настроениях публики в очередях, политических кафе, театрах, парках и других местах общественных дискуссий. Кроме того, эти агенты периодически готовили обзоры прессы, откуда тоже порой можно почерпнуть сведения о том, как воспринимали «равных» общественность и власти.

Если в марте 1796 г., судя по изданным Оларом текстам, бабувисты обращали на себя не слишком много внимания, а осведомителей больше беспокоили роялисты, шуаны и иностранцы, то в апреле, когда возникла Тайная директория, следы деятельности «равных» стали появляться в донесениях и в прессе все чаще.

Так, 3 апреля одна из газет сообщила о распространении бабувистских листов в солдатской среде: благонамеренные гренадеры 38-й полубригады отдали их генералу⁹. 7 апреля агент Мезонсель (Maisoncelle) отпартовал об установлении личности и адреса оратора, читавшего толпе «Трибун народа»¹⁰. 10 апреля, в день выхода из печати № 5 «Провосветителя народа» агенты уже были осведомлены о содержавшемся в нем призыве сплотиться вокруг Конституции 1793 г.; обнаружили они и расклеенные во многих кварталах Парижа афиши «Анализ доктрины Бабёфа» с такими же лозунгами¹¹. День спустя текст этого произведения соратника Бабёфа М. Буонарроти был распространен уже по всему Парижу: в Сент-Антуанском предместье плакат с ним привлек значительную толпу народа; чуть подальше женщина читала издание маленького формата, а когда правительственный агент вырвал сочинение из ее

⁹ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 3. P. 95.

¹⁰ Ibid. P. 103.

¹¹ Ibid. P. 108.

рук, это вызвало негодование окружающих. Согласно очередному рапорту, в ночь на 12 апреля «Анализ доктрины Бабёфа» снова появился на стенах домов Сент-Антуанского предместья, но уже утром часть афиш была сорвана; тем не менее в большинстве случаев этот текст вызывал одобрение, если его читали вслух, особенно в рабочей среде¹². 17 апреля «Анализ доктрины Бабёфа» был расклеен на рынке¹³.

Излюбленными местами встреч приверженцев Бабёфа и других леворадикальных элементов были в то время кафе Кретьена и кафе Китайских бань. За последним пристально следил Мезонсель: сначала он сообщил о пении там антиправительственной песни Марешаля, потом о возмущении посетителей законом от 27 жерминаля, запрещающим политические сборища и карающим смертью за критику Директории, а также о том, что собравшиеся «с жаром говорили о Конституции 1793 года»¹⁴.

Успех распространяемых в Париже агиток заставил газетчиков говорить о тех, кого мы сейчас называем бабувистами; в то время они так не воспринимались и именовались по-разному. Антиякобинский *Courrier republicain* аббата Понселена сообщил о том, что «Пантеонисты»¹⁵ совсем осмелели, сбросили маски и хотят вернуть кровавый скипетр, вырванный у них 9 термидора»¹⁶. *Le gardien de constitution* Ж.Б.М. Жолливе отмечал, что крайние патриоты готовят новое восстание, свободоубийственный проект которого подготовлен редакторами *L'ami du peuple*, *l'Eclaireur* и *L'Orateur plébéen*¹⁷. *Gazette de France* сделала вывод о слабости правительства, если оно ничего не предпринимает против Бабёфа, разве что срывает афиши с его именем¹⁸. *Courrier republicain* от 18 апреля сообщал: «Если правительство хочет убедиться в существовании нового якобинства или, вернее, нового кордельерства, пусть заглянет в кафе Китайских бань. Здесь вожди и агенты орлеанистской группировки раздают свои инструкции»¹⁹. *Courrier*

¹² Ibid. P. 116.

¹³ Ibid. P. 124.

¹⁴ Ibid. P. 119, 121, 124.

¹⁵ Приверженцы Бабёфа собирались в тот период в клубе Пантеона.

¹⁶ Aulard A. Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 3. P. 111.

¹⁷ Ibid. P. 113. На самом деле его издатель *L'ami du peuple* Р.Ф. Лебуа не принадлежал к бабувистам, но какое-то время издавался в одной типографии с Бабёфом, а потом развивал активность в клубе Пантеона. Что касается *L'Orateur plébéen*, то его автор А. Антонель действительно был одним из «равных».

¹⁸ Ibid. P. 114.

¹⁹ Ibid. P. 126.

republicain был не единственным органом, приписывавшим «равным» ложные политические взгляды. Так, судя по сообщению *Le Censeur des journaux*, бывший депутат Конвента Луве назвал *Le Tribun du Peuple* и *L'éclaireur du peuple* роялистскими газетами. *Le Censeur des journaux* оспаривал это мнение, однако считал указанные издания столь же опасными, как роялистские²⁰. Осведомители, готовившие отчет по газетам, выдвинули версию, что *Journal de Perlet*, не имеющая отношения к Бабёфу, вероятно, издается тем же автором, что и *L'éclaireur du peuple*²¹.

24 апреля личный состав правительственных осведомителей изменился: на смену Мезонселю и его коллеге Астье пришли Бреон и Лимуден. Это заметно отразилось на содержании отчетов: похоже, что новые агенты стремились скорее угодить начальству, а не ознакомить его с реальным положением вещей. Сторонники равенства на время исчезли из донесений, переполненных сообщениями о благонамеренных гражданах, поддерживающих Директорию.

Первое сообщение Бреона и Лимудена, относящееся к заговору «равных», появилось лишь 2 мая:

«Развратители общественного мнения, люди, называемые якобинцами, или пантеонистами, которые хотят устроить революцию, несмотря на авторитет закона, в другое время были бы достаточно наказаны презрением; но бдительность должна достигать их повсюду и предавать трибуналам. Их убежища скрыты, их эмиссары способны, кажется, уйти от любого расследования; это люди, которые вводят в искушение слабые умы, и восстание в полицейском легионе, очевидно, было делом их рук – по крайней мере, таково практически всеобщее мнение... Не менее опасны священники, пропагандирующие католический культ»²².

На следующий день агенты так описывали причины общественного недовольства богатством членов правительства:

«Здесь видно влияние тех, кто бежит от казармы к казарме... этих завсегдатаев кафе Кретьена и Китайских бань... В толпе говорят о том, что назревает какой-то заговор»²³.

7 мая агенты сообщили о появлении своеобразного филиала кафе Китайских бань в таверне на улице Гранд-Бательер, на Монмартре²⁴.

²⁰ Ibid. P. 132.

²¹ Ibid. P. 132.

²² Ibid. P. 162–163.

²³ Ibid. P. 165.

²⁴ Ibid. P. 174.

9 мая они зафиксировали еще одно происшествие:

«Вчера около половины десятого вечера на Новом мосту было найдено два экземпляра Конституции 1793 года, один неподалеку от другого: случайность это или умысел? В кафе, в местах общественных гуляний не сомневаются: правительство на месте, министерство бдит, вооруженные силы внушительны, и уверенность в сохранении порядка, хотя бы в личных интересах руководителей государства, успокаивает умы. Народ сознает, что многочисленные анархисты²⁵, рассеявшиеся и укрывшиеся в Париже, втайне делают свое дело, что у них тоже есть своя полиция, своя директория, свои бюро, но народ спрашивает себя – есть ли у них вооруженные силы, есть ли у них опора?»²⁶

До ареста бабувистов оставался один день...

* * *

Разоблачение и арест «равных» произошли после предательства одного из них – Ж. Гризеля. Однако он был не единственным информатором властей. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится несколько копий документов из Национального архива Франции – сообщения от различных граждан, желавших предупредить правительство о готовящемся восстании. Эти доносы являются еще одним ценным источником сведений о том, как выглядел заговор «равных» в глазах парижан.

4 мая (15 флореаля) муниципальному офицеру 8 округа Пинатилу (Pinatile) поступил донос от жены мебельщика Лера (Lerat) с улицы Маргарит: «Моя рука дрожит, описывая ужасы, которые вы сейчас узнаете. Постарайтесь помешать террористам или якобинистам реализовать их заговоры»²⁷. Внимание гражданки Лера привлекла совершенная 11 флореаля у некоего Фурнассе (Fournassé) с улицы Маргарит покупка жердей, на которые должны крепиться картонки с надписью «Конституция 1793 года или смерть». Лера сообщала, что заговорщики, которые обычно заседают в кафе Китайских бань, должны собраться ближайшей ночью в 3 часа в Сент-Антуанском предместье. Их число она определяла в 15 000 человек, а вождем

²⁵ В эпоху Термидора и Директории «анархистами», как правило, называли сторонников якобинизма и революционного правительства II года. См.: Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 123.

²⁶ Aulard A. Op. cit. P. 176–177.

²⁷ Оригинал: «Ma main tremble en vous faisant le recit des atrocités qui vont de connaitre. Faites vos efforts pour empêcher les terroristes, ou jacobinistes d'exécuter les complots».

считала некоего Вакре (Vacrét), чулочника со все той же Маргарит (видимо, кругозор доносицы не простирался дальше ее собственной улицы). Заговорщики ударят в набат, перебьют директоров и восстаноят Комитет общественного спасения, предупреждала она²⁸. Из всей этой информации соответствуют действительности лишь место сбора и плакаты, которые действительно должны были заказать бабувистские агенты.

Двумя днями спустя датируется анонимный рапорт о существующем плане восстания против правительства. Его автор рассказывал, что заговорщики планируют перебить директоров, министров и часть членов Советов: так, чтобы от них осталось около 100 человек. В дополнение к Военному комитету, который уже есть у заговорщиков, будет воссоздан Комитет общественного спасения. Места, где соберутся бунтовщики, уже намечены, будущие правители и военачальники выбраны. На следующий день должны вернуться уполномоченные, отправленные узнать обстановку на местах. Вождями заговора автор рапорта считал бывших депутатов Конвента П. Л. Бантаболя, Д.Т. Лесажа-Сену (Le Sage-Senout) и Л. Лекуантра из Версаля, сын которого якобы должен возглавить войска инсургентов. Далее сообщался еще ряд подробностей, касающихся будущего восстания, и излагался вероятный расклад сил. Среди заговорщиков автор называл некоего Шамборана (Chamboard), Ф. Лепелетье и жену герцога Орлеанского²⁹. Доказательствами близости к бабувистам никого из перечисленных лиц, кроме Лепелетье, мы не располагаем.

«Друг ваш и родины» – так подписался некий сторонник правительства, оставшийся нам неизвестным. Он тоже составил донос 6 мая, отправив его затем директору Ларевельеру-Лепо. Якобинцы, предупреждал автор письма, собираются вернуть себе власть. Место их собраний – кафе Китайских бань. С ними заодно военные всех званий, расквартированные в Париже и в Гренельском лагере. Заговорщики распространяют газету *L'éclaireur du peuple*, издаваемую Бабёфом. Отметим, что доносчик знал, кто скрывается под псевдонимом Лаланд, но самого Бабёфа не называл вождем или участником заговора. Единственная фамилия, которая фигурирует в доносе, – некто Боверсен (Beauversin), занимающийся вербовкой солдат³⁰.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 69–71; Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 83–84.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 21–22.

Информация еще об одном доносе дошла благодаря сохранившемуся письму министра юстиции Ф. А. Мерлена (из Дуэ) министру полиции Кошону. Мерлен сообщал о том, что от служащего бюро по фамилии Гуйо (Guyot) поступили сведения о людях, занимающихся агитацией в казармах и планирующих через 8 дней, то есть 14 мая, свергнуть Директорию³¹.

Муниципальная администрация г. Майенн, 26 апреля обнаружившая посылку с бабувистскими изданиями, 6 мая проинформировала об этом Директорию, сравнив в своем донесении Бабёфа с шуанами³².

Автор еще одного анонимного рапорта, датированного 8 мая (19 флореаля), писал, что заговорщики отказались от своего плана, ряд пунктов которого сочли неосуществимыми. Однако план уже распространен: надо искать его в Сент-Антуанском предместье. Среди заговорщиков – Казен и Дерэ; также следует обратить внимание на бывшего депутата Конвента П.Л. Бантаболя³³. Двое первых действительно были бабувистскими агентами в округах Парижа, в отличие от Бантаболя, свидетельств участия которого в заговоре не обнаружено.

Таким образом, содержание ни одного из данных доносов не подтверждается на сто процентов другими источниками. Их путанные сведения вполне перекликаются со слабо соответствующими действительности представлениями о бабувистах парижской публики.

* * *

4 мая (15 флореаля) 1796 г. агент «равных» в Гренельском лагере Гризель донес председателю Директории Л. Карно о готовящемся заговоре. Два дня спустя он имел разговор с министром полиции Кошоновом, после чего власти начали готовить арест бабувистов. Первая его попытка состоялась 8 мая: полиция опоздала, явившись на конспиративную квартиру, когда заговорщики уже разошлись. Вторая была удачнее: 10 мая (21 флореаля) полиции удалось схватить две группы бабувистов – одну, заседавшую у столяра Дюфура, и вторую, собравшуюся у портного Тиссо на улице Гранд-Трюандери и включавшую самого Бабёфа³⁴.

³¹ Там же. Л. 18–20.

³² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 2–5.

³³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 81–82.

³⁴ *Schiappa J.-M.* Op. cit. P. 158–160.

Немецкий путешественник Ф. Мейер, побывавший во Франции в 1796 г., написал о том, что после разоблачения заговорщиков парижская полиция задержала и допросила всех иностранцев³⁵. Очевидно, правительство допускало, что бабувисты каким-то образом связаны с границей. Очевидно, власти, несмотря на то, что о заговоре им было известно не первый день, довольно плохо представляли себе характер и цели Тайной директории и ее учредителей. Также Мейер отметил, что арест бабувистов не произвел особого впечатления на парижан³⁶. Однако отчеты правительственных агентов Бреона и Лимудена говорят совсем о другом.

В день ареста бабувистов Бреон поместил в своем донесении прогноз реакции общественного мнения на это событие: добрые граждане обрадуются и восславят Директорию, анархисты станут говорить о «контрреволюции», роялисты будут довольны, что за решеткой оказался арестовавший короля Друэ³⁷. Однако последующие дни показали, что такой прогноз излишне упрощал ситуацию. Уже в отчете за 11 мая отмечалось:

«Нет ничего более непостоянного, более противоречивого, чем мнение об обнаруженном и раскрытом заговоре. Одни сомневаются в его реальности, но в то же время заявляют, что Бабёф на допросе сделал признания, точно указывающие на существование намерения и даже плана свержения нынешнего порядка; другой, дабы убедить, что заговора не существовало, разглагольствует о глупости, невежестве и трусости Бабёфа, который фигурирует как главное действующее лицо заговора. В одном кафе говорят, что Баррас не чужд этому заговору, в другом – что министр внутренних дел... измыслил сей заговор, дабы раздавить патриотов»³⁸.

Предместья молчат, отмечал агент, но от того ли, что доверяют правительству, или от того, что постоянно патрулируются вооруженными силами? Просвещенные люди ждут документальных доказательств вины бабувистов³⁹.

К донесениям Бреона и Лимудена близко послание некоего военачальника, копия которого хранится в фонде 223 РГАСПИ, но, к сожалению, не содержит имен ни автора, ни адресата. Письмо начинается

³⁵ Meyer F.J. L. Fragments sur Paris. Hambourg, 1798. Т. 1. P. 275–277.

³⁶ Ibid. P. 274.

³⁷ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Т. 3. P. 178–179.

³⁸ Ibid. P. 181.

³⁹ Ibid.

обращением «Гражданин министр!». Автор полагал, что заговорщики подавлены, но не уничтожены:

«Моя маленькая армия провела всю прошлую ночь под открытым небом. Я организовал патрули для поддержки правительства. Рабочие предместья Антуан демонстрируют лучшие принципы и сидят тихо. Хотя в этом же предместье арест современных катилин произвел большую сенсацию»⁴⁰.

Но вернемся к Бреону и Лимудену. «Наконец-то люди начинают раскрывать глаза, заговор больше не сказка и не роман»⁴¹, — говорится в донесении Бреона от 12 мая. По мнению агента, больше всего радости в связи с арестом Бабёфа выказывали якобинцы; равнодушные просто отмечали, что правительство исполнило свой долг; мерзавцы, не имеющие смелости поднимать голос против республики, ограничились тем, что сочли арест заговорщиков не вполне конституционным. И снова упоминание о Баррасе: «говорят потихоньку, но так, чтобы было слышно, о том, что Баррас вызывает подозрение у своих коллег»⁴².

Спустя еще день те же агенты сообщали: «Не похоже, чтобы в реальности заговора все еще сомневались»⁴³. Многочисленные патрули и слухи о том, что аресты радикалов продолжаются, заставляют парижан сидеть смирно. И слухи не напрасны: арестован Морель, распространявший газеты *Le Tribun du Peuple* и *L'éclaireur du peuple*⁴⁴.

14 мая *Moniteur* опубликовал ряд документов, захваченных при аресте у Бабёфа, и Бреон доложил о том, с какой жадностью их читают: сомнений в реальности заговора не остается совершенно⁴⁵. На следующий день, по сообщению Лимудена, внимание парижан все еще приковано к этим документам: одни читатели *Moniteur* испуганы перспективой анархии и резни, другие же боятся, как бы раскрытие заговора не бросило тень на них самих. Нервозности обстановке добавляет слух о составленных заговорщиками проскрипционных спи-

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 46–47. Оригинал: «Ma petite armée a bivouaqué toute la nuit dernière. J'ai fait des patrouilles pour le soutien du gouvernement. Les ouvriers du faubourg Antoine sont dans les meilleurs principes, et ils ne remuerent pas. Même faubourg l'arrestation des catilinas modernes a fait grande sensation».

⁴¹ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 3. P. 182.

⁴² Ibid. P. 183.

⁴³ Ibid. P. 184.

⁴⁴ Ibid. P. 185.

⁴⁵ Ibid. P. 185–186.

сках⁴⁶. В отчете от 16 мая снова отмечается, что неверие в заговор сменилось страхом перед анархистами и грабителями и что, по мнению рабочих, «лучше жить как жили, а этих мерзавцев отправить на эшафот»⁴⁷. Общественное мнение склонялось в пользу казни бабувистов⁴⁸.

В течение нескольких следующих дней страх сменился любопытством и состраданием. Если верить отчету от 17 мая, Друэ – единственного из заговорщиков, кто, кроме Бабёфа, был знаком публике, жалеют, хотя и не уверены в его невиновности⁴⁹. 18 и 19 мая на улице говорят о безумии обоих революционеров⁵⁰.

С 20-х чисел мая заговор бабувистов уже меньше занимал парижан. В связи со скорой отменой ассигнатов цены взлетели неимоверно. Хлеб, и без того дорогой, за несколько дней подскочил в цене с 37 до 80 и даже 100 ливров за фунт, а потому отчеты Бреона и Лимудена наполнились сводками с рынков и сообщениями о том, как повсюду обсуждают только стоимость продуктов⁵¹. Мнения о Бабёфе еще находили отражение в отчетах, но, несмотря на попытки агентов обобщать сказанное, теперь такие мнения выглядели разрозненными и были одно диковеннее другого. Несколько раз сообщалось о том, что заговорщиков осуждают⁵² и слово «Бабёф» даже стало обидным эпитетом⁵³. За последователями Бабёфа предлагалось установить слежку⁵⁴. В то же время поднимались голоса, хотя и реже, в защиту Бабёфа и его сообщников: велись разговоры о том, чтобы их освободить; вышла брошюра в поддержку Бабёфа⁵⁵; в действиях Друэ не видели явного состава преступления⁵⁶. Продолжали ходить слухи о связи заговорщиков с кем-то из высокопоставленных лиц⁵⁷. Некоторые считали Бабёфа роялистом⁵⁸ и даже английским агентом⁵⁹. Несколько раз Бреон и Лимуден

⁴⁶ Ibid. P. 186.

⁴⁷ Ibid. P. 189.

⁴⁸ Ibid. P. 190.

⁴⁹ Ibid. P. 192.

⁵⁰ Ibid. P. 194, 196.

⁵¹ Ibid. P. 200–220.

⁵² Ibid. P. 202, 211, 224.

⁵³ Ibid. P. 245.

⁵⁴ Ibid. P. 217.

⁵⁵ Ibid. P. 209.

⁵⁶ Ibid. P. 252–253.

⁵⁷ Ibid. P. 199, 211.

⁵⁸ Ibid. P. 205.

⁵⁹ Ibid. P. 257.

сообщали, что Бабёфом перестали или почти перестали интересоваться, но его имя вновь и вновь появлялось на страницах отчетов. В течение всего прериаля парижане продолжали говорить и строить домыслы о заговоре «равных».

* * *

Еще более красноречиво о «заговоромании» и «арестомании», охвативших Францию в конце весны – начале лета 1796 г., говорят полицейские документы, копии которых хранятся в фонде 223 РГАСПИ. Разделю их на две группы.

Первая – доносы. Множество французов, в том числе, вероятно, не всегда психически здоровых, возжелали помочь Директории и полиции разделаться с врагами Отечества.

Некто Лапейр (La Peure) 11 мая написал министру полиции, рекомендуя обратить внимание на торговца Мерсье (Mercier) с улицы Ор-ти⁶⁰, который настроен против правительства и в пользу Конституции 1793 г. Лапейр считал, что он причастен к заговору. Особенно подозрительным доносчику казалось то, что Мерсье уже несколько дней не появляется в лавке. Далее Лапейр сообщал о Боссейе (Bosséyé), офицере из Каркассона, поклоннике Старого порядка⁶¹. Очевидно, доносчик не видел большой разницы между потенциальным участником заговора «равных» и роялистом.

В тот же день гражданин Жанфр (Genfre) уведомил министра полиции о подозрительных собраниях, которые ежедневно происходят на улице Герен Буассо, у некоего Батиста с 5 до 6, а потом с 10 до 11 вечера⁶².

Обращает на себя внимание письмо, направленное 13 мая Л. Карно, председателю Директории, неким Паразолем (Parasol, затем Parazol), заключенным тюрьмы Бисетр. Оно озаглавлено «Собрание в доме в окрестностях Парижа большого числа террористов, неприсягнувших священников, роялистов, эмигрантов или лиц, настроенных в пользу эмиграции, многочисленных бывших террористов с юга и из Марселя». Если верить Паразолу, то чуть ранее к нему пришел портье его дома и рассказал о раскрытии заговора Бабёфа, а также о том, что в их доме живут четыре террориста; раньше об этом он боялся

⁶⁰ Rue des Orties, ныне не существует. – *Прим. ред.*

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 1–2.

⁶² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 159. Л. 2.

и заикнуться. Также визитер рассказал о разговоре с другим портье, в доме которого тоже собираются злоумышленники: тот так возмущен их еженощными заседаниями, что собирается оставить свою должность – до того ему надоели эти заговоры против Республики. Затем Паразоль приходит к довольно неожиданному выводу: помимо четырех террористов, обитающих в его доме, существуют еще 20 террористов, живущих еще в 5 домах по 4 человека в каждом. Далее он расписывал подробности жизни заговорщиков, их распорядок дня, советовал, когда лучше устроить облаву, и просил о личной аудиенции⁶³. Письмо не оставляет сомнений в том, что Паразоль оказался в Бисетре неспроста – там, помимо преступников, содержали и умалишенных, к каковым он, очевидно, и принадлежал. Вероятно, так же подумал и Карно, оставивший это письмо без ответа. Тогда 15 мая Паразоль вновь написал Карно, настаивая на существовании 24 террористов⁶⁴. Судя по всему, автор был неграмотен: его письма написаны разным почерком, вероятно, под диктовку, и даже орфография его фамилии в них различается. Любопытна «симметричная» структура воображаемого Паразолем заговора: она очень соответствует рациональному духу XVIII в. Возможно, Паразоль был одним из тех, кого исследователь истории безумия М. Фуко вслед за писателем С. Мерсье назвал «помешанными на уме» – нахватавшихся идей Просвещения прожектеров, живущих в своем маленьком «геометрическом» мире из вымышленных принципов⁶⁵.

Комиссар Директории по 8 округу Парижа (подпись неразборчива) написал 12 мая директору Ребелю о том, что некий чулочник Кадро (Cadros) прячет у себя дома четырех генералов, в том числе участника заговора Ф. Россиньоля. Генералы, по слухам, готовятся поднять восстание следующей ночью. Опасным комиссар счел и генерала А. Санterra (на самом деле не имевшего отношения к бабувистам): тот вызвал его подозрение тем, что стал слишком часто появляться на улицах предместий, где прежде не имел привычки гулять⁶⁶.

13 мая о раскрытии заговора уже знали в Суассоне. Художник А.Ж. Маршан (Marchand) поспешил засвидетельствовать свою лояльность местным властям. Послание он начал с того, что, используя риторику II года, восславил рвение и неустанную работу Директории

⁶³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 53–56.

⁶⁴ Там же. Л. 57–60.

⁶⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 353–354.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 48–49.

и выразил желание поскорей увидеть за решеткой «всех тех мерзавцев, кто хочет превратить Францию в большое кладбище». Маршан доносил о поступлении по почте пакетов с подстрекательскими текстами, среди которых сочинение Бабёфа «Окрик французского народа своим угнетателям». Кроме того, он сообщал, что подозревает некоего Жорре (Jorré) в симпатии к террористам⁶⁷.

В тот же день, 13 мая, некто Жубан (Jouben) доносил Кошону о подозрительном поведении своего знакомого Тевено (Thevenot), приложив в качестве доказательства записку того со словами о близости счастья и призывами быть смелыми⁶⁸.

Интересен написанный также 13 мая донос Кошону Ж.-Б. Армана из Мезы, прежде депутата Конвента, а теперь члена Совета старейшин. Арман сообщал, что за 2 или 3 дня до раскрытия заговора его кухарка встретила человека в гражданской одежде, которого прежде видела в форме полицейского легиона. На вопрос «Почему он так одет?» тот ответил, что легион был расформирован и выдворен из Парижа, но более тысячи полицейских вернулись, укрылись у якобинцев и получили от них гражданскую одежду. Бывший легионер поведал кухарке, что он и его товарищи поднимут восстание через несколько дней и перебьют депутатов с министрами, не пощадив никого. Как бы заранее оправдываясь, Арман писал, что поделился этой историей уже со многими коллегами, вот только сообщить министру полиции никак не получалось. Далее он добавлял, что бывший мэр Парижа Паш, по словам их общего знакомого, тоже высказывается в пользу Конституции 1793 г.⁶⁹

Странное письмо отправил 14 мая министру полиции некто Фуркад. Он заявил, что знает, каков был план заговорщиков: они якобы планировали рассеяться по городу без документов (*cartes de sureté*), быть арестованными, собраться в большом количестве под крышей одной тюрьмы, а потом перерезать охрану и начать тем самым восстание. Исходя из вышесказанного, Фуркад советовал Кошону помещать не имеющих документов в разные тюрьмы⁷⁰. Не исключено, что эта идея, автор которой, как и Паразоль, мог быть не совсем психически здоровым человеком, является отголоском слухов о тюремных заговорах 1792 г., когда подобный слух породил сентябрьскую резню заключен-

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 15–17.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 29–30.

⁶⁹ Там же. Л. 25–26.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Док. 21.

ных, и 1794 г., когда по сфабрикованным обвинениям в тюремных заговорах были казнены многие «подозрительные». По сообщению М. Фуко, вторая половина XVIII в. вообще была отмечена своеобразной «эпидемией страха» перед обитателями тюрем, больниц и домов для умалишенных⁷¹.

В тот же день гражданин Загу (Zagu) после беседы со своим знакомым Брюне (Brunet) пришел к убеждению, что тот пособник заговорщиков, о чем Загу немедленно отписал Кошону⁷².

Гражданин Наверре (Naverréz) 15 мая сообщил Директории, что, стараясь послужить родине, он по собственной инициативе ходит подслушивать разговоры по кафе и паркам. В своем длинном доносе он не называл ни одного имени, но смешал воедино иностранцев, роялистов и «анархистов»⁷³.

В тот же день, 15 мая, гражданин Фрамуа (Framois) доносил Кошону, что на подозрительном собрании в доме возле Тюильри, напротив бывшего Комитета общей безопасности, участники обсуждали недавно раскрытый заговор и хвалили Конституцию 1793 г. Руководителем антиправительственной группы Фрамуа считал Шарля Шеврийона из департамента Ньевр⁷⁴.

Доносы шли не только от рядовых граждан, но и от представителей власти на местах. 16 мая Кошону написали администраторы департамента Сена и Уаза, приложив к письму документы, якобы доказывающие связь с заговорщиками комиссаров Директории в коммунах Фонтенбло, Море и Немур. Вожаком местных бунтовщиков назывался некий Феррю (Fegru), который несколькими днями ранее был в Париже и председательствовал на собрании в кафе Кретьена. Но главное, по мнению доносчиков, все местные заговорщики были знакомыми (familiers) бывшего депутата Конвента Л. Бурдона. Кроме того, в близости к левой оппозиции авторы письма подозревали и Л. Лекуантра⁷⁵.

Нашелся бдительный гражданин и в Санлисе: 16 мая аноним сообщал Кошону, что некто Мотле (Motelet) подозрительно часто ездит в Париж, а некто Кэн (Quint) – якобинец, и посему оба могут быть причастны в заговору⁷⁶.

⁷¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. 355–356.

⁷² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 86.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 36–39.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 28–29.

⁷⁵ Там же. Л. 32–33.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 159. Л. 4–6.

Гражданин Крон (Crone), общественный обвинитель департамента Па-де-Кале, сообщал 19 мая Кошону, что раскрытый заговор имел ответвления и на подведомственной ему территории. Он информировал министра полиции о многочисленных собраниях «сподвижников Лебона» в Аррасе, Бетюне и Сент-Омере, о коих стало известно еще три месяца назад. Теперь же, докладывал Крон, злодеи совсем обнаглели и нападают на мирных граждан. Протоколы полиции, наблюдавшей за ними, свидетельствуют, что эти люди провозглашали возвращение террора, эшафоты, убийства должностных лиц. Обвинитель называл фамилии Таффуро, Тулотт (Toulotte) и Кош (Coches). В заключение он не забыл добавить, что направляет письмо министру, руководствуясь не партийным духом, а любовью к родине⁷⁷.

В тот же день к Кошону обратился Мало (Malo), начальник эскадрона, командир 24-го полка драгун – бывшего полицейского легиона (chef d'Escadron commandant le 24 régiment de Dragons, cydevant Legion de police générale). Он сообщил о том, что накануне вечером повстречал трех человек: бывшего секретаря Комитета общей безопасности, облаченного в форму Национальной гвардии секретаря Приёра из Марны и некоего человека в сером рединготе. Они пытались вовлечь Мало в ряды сторонников Конституции 1793 года, но тот не поддался. В своем доносе он сообщал все имевшиеся у него сведения о подозрительной троице, называя этих людей «анархистами»⁷⁸.

Герен (Guérin), капитан легкой пехоты, вышедший в отставку и только что прибывший в Париж из Итальянской армии, сообщал 19 мая Кошону, что население от Ниццы до Осера отнюдь не преисполнено любовью к родине. Все, кого он встретил по дороге с фронта, роптали на правительство и особенно на мандаты – новые денежные единицы, выпущенные в связи с обесцениванием ассигнатов и так же быстро утратившие ценность. Хозяйка одного из трактиров, где Герен остановился вместе с товарищем, узнав, что они покинули армию и едут в Париж, видимо, приняла их за кого-то другого и предложила остаться вместе со 150 волонтерами, у которых здесь сборный пункт. Отставные военные не восприняли эту информацию всерьез, но теперь, узнав о раскрытом заговоре, Герен подумал, что трактирщица могла быть с ним связана, и поспешил уведомить о том власти⁷⁹.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 36–37.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 158. Л. 22–23.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 158.

К концу мая поток сообщений о пособниках заговорщиков – настоящих и мнимых – ослаб, но не иссяк. 25 мая мировой судья Этампа переслал Кошону документы о предпринятом там преследовании шести человек, уличенных в получении на почте пакетов с бабувистскими сочинениями⁸⁰.

28 мая гражданин Боном (Bonhomme) обратил внимание Кошона на некоего Дюмулена из секции Бонконсей, который по ночам устраивает у себя собрания, чтобы попытаться продолжить дело Бабёфа⁸¹. 17 дней спустя Кошон передал это письмо председателю суда кантона Парижа, отметив, что оно может пролить свет на заговор «равных»⁸².

Многочисленность поступавших в полицию доносов, связанных с заговором «равных», могла создать впечатление, будто сеть подпольной организации раскинулась по всей Франции. По-видимому, у правительства такое впечатление и сложилось: за волной доносов последовала волна арестов. Соответственно вторая обширная группа источников в фонде 223 РГАСПИ, освещающих общественную реакцию на разоблачение «равных», это – обращения к властям тех, кого справедливо или несправедливо заподозрили в содействии Бабёфу.

13 мая некто Гарен (Garein), назвавшийся дивизионным генералом⁸³, узнав, что его имя включено в список людей, намеченных к аресту в качестве пособников Бабёфа, сразу же написал в Директорию. Гарен возмущенно заявил, что и понятия не имел о заговоре, потребовал от донесших на него представить хоть малейшее доказательство его вины, описывал свое бедственное положение, отмечая, что у него нет даже сапог, и, наконец, выражал надежду на восстановление справедливости⁸⁴.

7 июня похожая история произошла с неким Лербоном (L^hHerbon). Он узнал, что его имя обнаружено в каком-то бабувистском списке рядом с именем земляка Бабёфа, прокурора-синдика департамента Эн П. Потофе, который подозревался в участии в заговоре. Лербон также писал в Директорию, заявляя, что не причастен к комплоту, поскольку

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 67.

⁸¹ Там же. Л. 54–55.

⁸² Там же. Л. 96–97.

⁸³ Установить личность этого человека затруднительно. В словаре генералов и адмиралов времен Революции и Империи фамилия Garein не фигурирует. См.: *Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la révolution et de l'empire*. P., 1934. Т. 1. P. 539.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 8. Л. 50–51.

«ярый враг роялизма и анархии», как и его жена, и поскольку оба были жертвами «тирании Робеспьера и Сен-Жюста»⁸⁵.

20 мессидора к Директории обратился учитель пения Феликс (Felix). Он писал, что не понимает, почему в конце флореаля был выдан ордер на его арест в связи с делом Бабёфа. Феликс клялся, что не знаком ни с кем из заговорщиков и не занимался ничем, кроме музыки, что могут подтвердить его ученики⁸⁶. Это письмо попало к Кошону, а тот переслал его директору обвинительного жюри Парижа⁸⁷ А. Жерару с пометкой, что ничего не слышал об ордере на арест Феликса⁸⁸. Очевидно, учитель пения стал жертвой чьей-то злой шутки или был захвачен общей манией разоблачений и арестов.

Нечто подобное можно сказать и о гражданине Коломбе (Colomb). Он обратился к Кошону с прошением, заявив, что несправедливо обвинен в связи с Бабёфом, и попросив отменить ордер на свой арест⁸⁹. Министр переслал прошение председателю обвинительного жюри департамента Сена, но тот ответил, что ничего не знает об этом ордере⁹⁰.

Обвиняемый в связи с заговором Филипп (Philippe) из Нанси подготовил специальный мемуар, чтобы оправдаться. Он не ограничился заявлением, что далек от идей «равных», а подробно расписал, чем занимался в последнее время, и составил список свидетелей⁹¹. К сожалению, нам неизвестно, был этот человек действительно связан с «равными» или тоже пал жертвой той лихорадки разоблачений, которая охватила Париж и всю Францию после разгрома бабувистов.

После ареста к бабувистам пришло горькое осознание того, что им не удалось «достучаться» до народа. «Ваш арест не возымел эффекта, которого ожидали», – сообщала бабувисту Дидье его жена, остававшаяся на воле. То же, по ее словам, касалось афиш и прокламаций⁹². «Они... изображали меня жалким и безумным мечтателем или тайным орудием врагов народа»⁹³, – писал Бабёф об оставшихся на свободе

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 162. Л. 66–67.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 105.

⁸⁷ В то время уголовные трибуналы в департаментах состояли из двух жюри: обвинительное принимало решение о предании суду, а судебное выносило приговор.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 161. Л. 113.

⁸⁹ Там же. Л. 124–125.

⁹⁰ Там же. Л. 108–109.

⁹¹ Там же. Л. 118–121.

⁹² РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 4. Д. 160. Л. 23–24. Оригинал: «votre arrestation n'a pas eu l'effet que l'on attendoit... les affiches, les proclamations n'a pas eu l'effet».

⁹³ Бабёф Г. Сочинения. Т. 4. С. 298.

соротниках, довольно точно воспроизводя то восприятие его самого и его заговора, которое нашло отражение в отчетах правительственных агентов.

И все же нельзя сказать, что пропаганда «равных» оказалась бесплодной – некоторые их сочинения наделали довольно много шума и получили широкое одобрение. В обществе явно знали о подготовке нового революционного *journée*. Но это не значит, что парижане поддерживали заговорщиков или хотя бы четко понимали, кто те и чего хотят. Бабёфа и его сторонников считали якобинцами, анархистами, шуанами, орлеанистами, роялистами, но только не теми, кем они на самом деле являлись. К ним причисляли случайных людей или переоценивали роль мелких участников предприятия. Масштабы заговора, силы заговорщиков частенько переоценивались. Особенно заметным это стало после ареста членов «Тайной директории». Тогда общество охватила своего рода мания: одним казалось, что бабувисты повсюду, другим – что их самих незаслуженно причисляют к таковым.

Отчасти это было результатом необразованности масс, отчасти – пестроты политических сил, действовавших во Франции на протяжении всей революции. Но несомненна и «вина» самого Бабёфа: в стремлении усилить свой политический вес и обрести союзников, ему приходилось сглаживать острые углы своей коммунистической программы, из-за чего он и затерялся среди многочисленных противников Директории – правых и левых, идейных и стихийных. Стремление Бабёфа создать широкую коалицию оппозиционных сил привело к тому, что в конце концов специфика его собственной организации в этой коалиции растворилась.

В нагнетании обстановки после ареста «равных» не обошлось и без роли правительства: ведь именно его сообщения о раскрытии «страшного заговора» вызвали обострение у сидельцев Бисетра и заставили бдительных граждан смотреть друг на друга с большей подозрительностью, чем обычно⁹⁴. А далее всё шло по кругу: приходящие доносы наводили правительство на мысль о большем, чем ему казалось, масштабе заговора, оно подавало соответствующие сигналы обществу, а то, в свою очередь, снова строчило доносы.

Рядовые французы XVIII века не поддержали «заговор во имя равенства». Но в том, каким он остался в истории, есть и их заслуга.

⁹⁴ Подробнее об этом см.: *Сюрато Ж. Р.* Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796–1798) // ФЕ. 1960. М., 1961. С. 95–120.

Список литературы

- Бабёф Г. Сочинения. М., 1975–1982. Т. 1–4. [*Babeuf G. Sochinenija. M., 1975–1982. T. 1–4*].
- Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. [*Bovykin D.Ju. Revoljucija okonchena? Itogi Termidora. M., 2005*].
- Великовский С. Поэтическое наследие участников «заговора равных» Г. Бабёфа // Вопросы литературы. 1959. № 2. [*Velikovskij S. Pojeticheskoe naslednie uchastnikov «zagovora ravnyh» G. Babjofa // Voprosy literatury. 1959. № 2*].
- Далин В.М. «Агент связи» Бабёфа – Дидье-Журдейль // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 244–257. [*Dalin V.M. «Agent svjazi» Babjofa – Did'e-Zhurdej'l' // Iz istorii obshhestvennyh dvizhenij i mezhdunarodnyh otnoshenij. M., 1957. S. 244–257*].
- Далин В.М. Грахх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785–1794). М., 1963. [*Dalin V.M. Grakh Babjof nakanune i vo vremja Velikoj Francuzskoj revoljucii (1785–1794). M., 1963*].
- Жбанков Л. История «Заговора равных». М., 1905. [*Zhbankov L. Istorija «Zagovora ravnyh». M., 1905*].
- Киясов С.Е. С. Марешаль: политическая биография. Саратов, 1987. [*Kijasov S.E. S. Mareshal': politicheskaja biografija. Saratov, 1987*].
- Летчфорд С.Е. Клуб Пантеона и его место в оформлении бабувистской организации // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник. Саратов. 1986. [*Letchford S.E. Klub Panteona i ego mesto v oformlenii babuvistskoj organizacii // Novaja i novejschaja istorija. Mezhvuzovskij sbornik. Saratov. 1986*].
- Летчфорд С.Е. Бабёф и Друэ // ФЕ. 2009. М., 2009. [*Letchford S.E. Babjof i Druje // FE. 2009. M., 2009*].
- Собуль А. Секционеры и бабувисты, их социальный состав // ФЕ. 1960. М., 1961. [*Soboul A. Sekcionery i babuvisty, ih social'nyj sostav // FE. 1960. M., 1961*].
- Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998. [*Stroev A.F. «Te, kto popravljaet fortunu». Avantjuristy Prosveshhenija. M., 1998*].
- Сюрато Ж. Р. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796–1798) // ФЕ. 1960. М., 1961. [*Suratteau J. R. Babuvisty, «krasnaja opasnost'» i propaganda Direktorii (1796–1798) // FE. 1960. M., 1961*].
- Фрумов С.А. Революционная программа воспитания (к 200-летию со дня рождения Бабёфа) // Советская педагогика. 1960. № 12. [*Frumov S.A.*

- Revolucionnaja programma vospitanija (k 200-letiju so dnja rozhdenija Babjofa) // Sovetskaja pedagogika. 1960. № 12].
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. [*Foucault M. Istoriija bezumija v klassicheskuju jepohu. SPb., 1997*].
- Черткова Г.С. Гракх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980. [*Chertkova G.S. Grakh Babjof vo vremja termidorijskoj reakcii. M., 1980*].
- Черткова Г.С. От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII в. М, 2003. [*Chertkova G.S. Ot Babjofa k Buonarroti: dvizhenie vo imja ravenstva ili zagovor ravnyh? // Pamjati professora A.V. Ado. Sovremennye issledovanija o Francuzskoj revoljucii konca XVIII v. M, 2003*].
- Щеголев П.П. Гракх-Бабёф. М., 1933. [*Shegolev P.P. Grakh-Babjof. M., 1933*].
- Advielle V. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. P., 1990 T. 1–2.
- Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 3.
- Bruhat J. Gracchus Babeuf et les égaux, ou le premier parti communiste. P., 1978.
- Coët E. Babeuf à Roye. Péronne, 1865.
- Dautry J. Le pessimisme économique de Babeuf et l'histoire des utopies // AHRF. 1961. № 33.
- Mazauric C. Babeuf et la conjuration pour l'égalité. P., 1962.
- Meyer F.J. L. Fragments sur Paris. Hambourg, 1798. T. 1.
- Pages choisies de Babeuf. P., 1935.
- Riviale Ph. La ballade du temps passé. Guerre et insurrection de Babeuf à la Commune. P., 1977.
- Rose R.B. Gracchus Babeuf. The first revolutionary communist. Stanford, 1978.
- Schiappa J.-M. Gracchus Babeuf avec les égaux. P., 1991.
- Serna P. Antonelle. Aristocrate révolutionnaire. 1747–1817. P., 1997.
- Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la révolution et de l'empire. P., 1934. T. 1.
- Tchertkova G. De la place du Babouvisme dans l'histoire du mouvement révolutionnaire européen // Les Historiens russes et le Révolution française après le Communisme. P., 2003.
- Tønnesson K. L'an III dans la formation du babouvisme // AHRF. 1960. № 162.